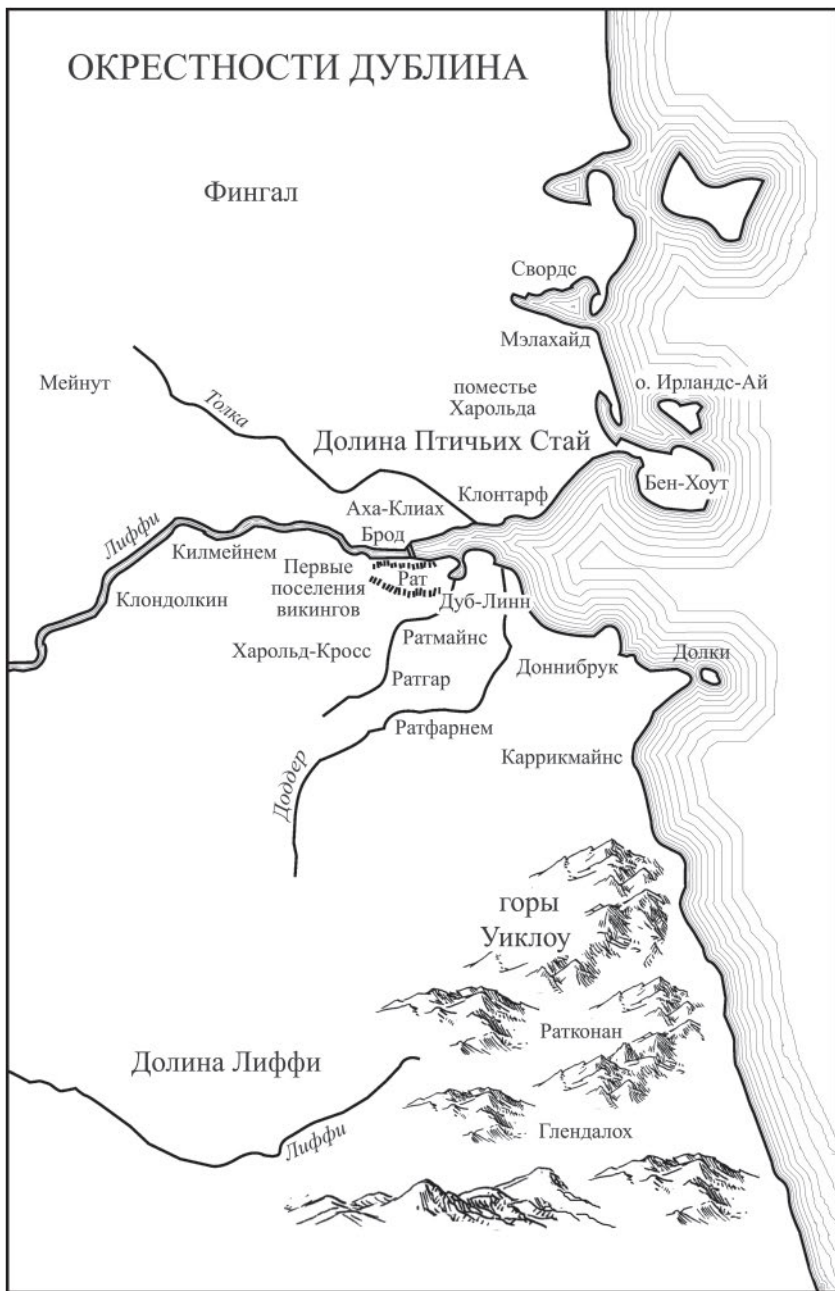

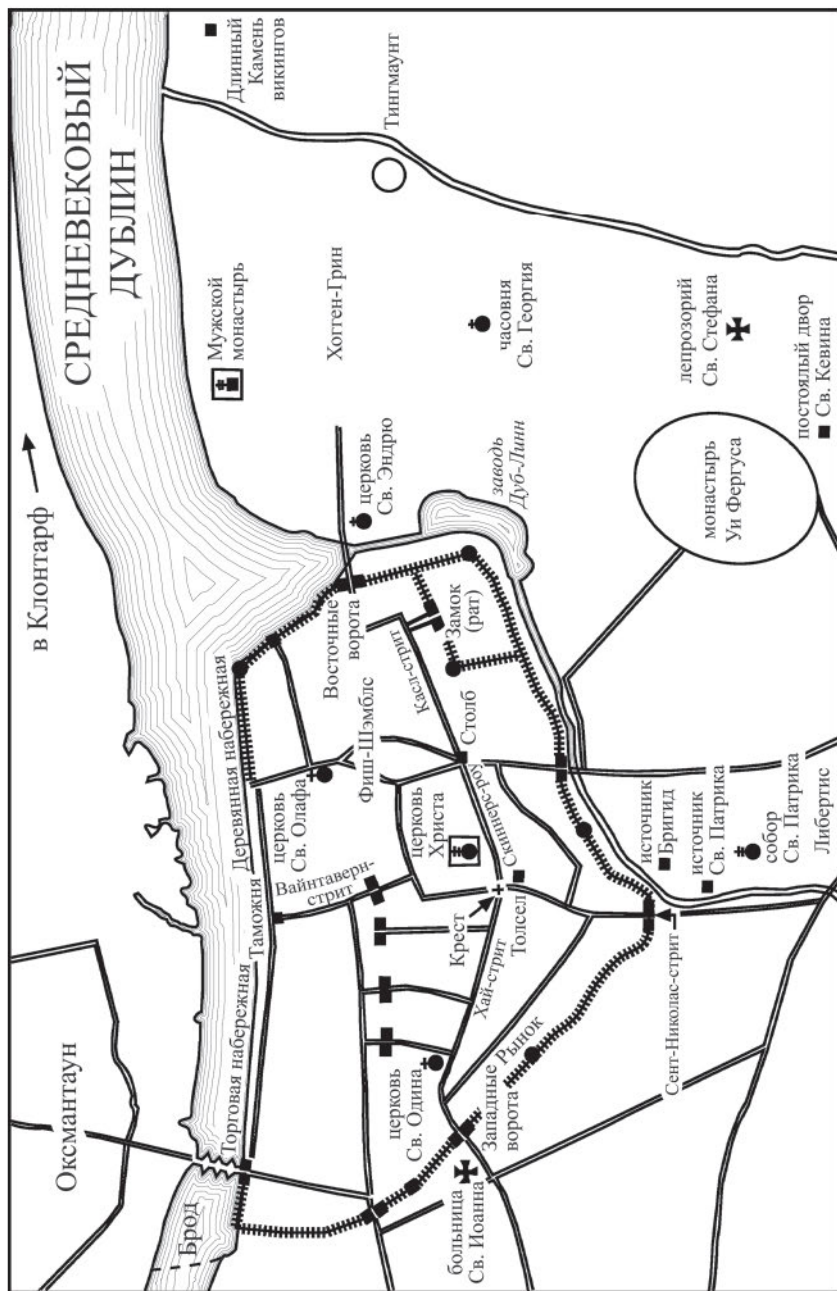
Содержание

Предисловие	15
ПРОЛОГ. Изумрудное солнце	17
ДУБ-ЛИНН	22
ТАРА	105
ПАТРИК	152
ВИКИНГИ	193
БРИАН БОРУ	250
СТРОНГБОУ	366
ДОЛКИ	504
ПЕЙЛ	559
ШЕЛКОВЫЙ ТОМАС	630
Послесловие	728
Благодарности	732

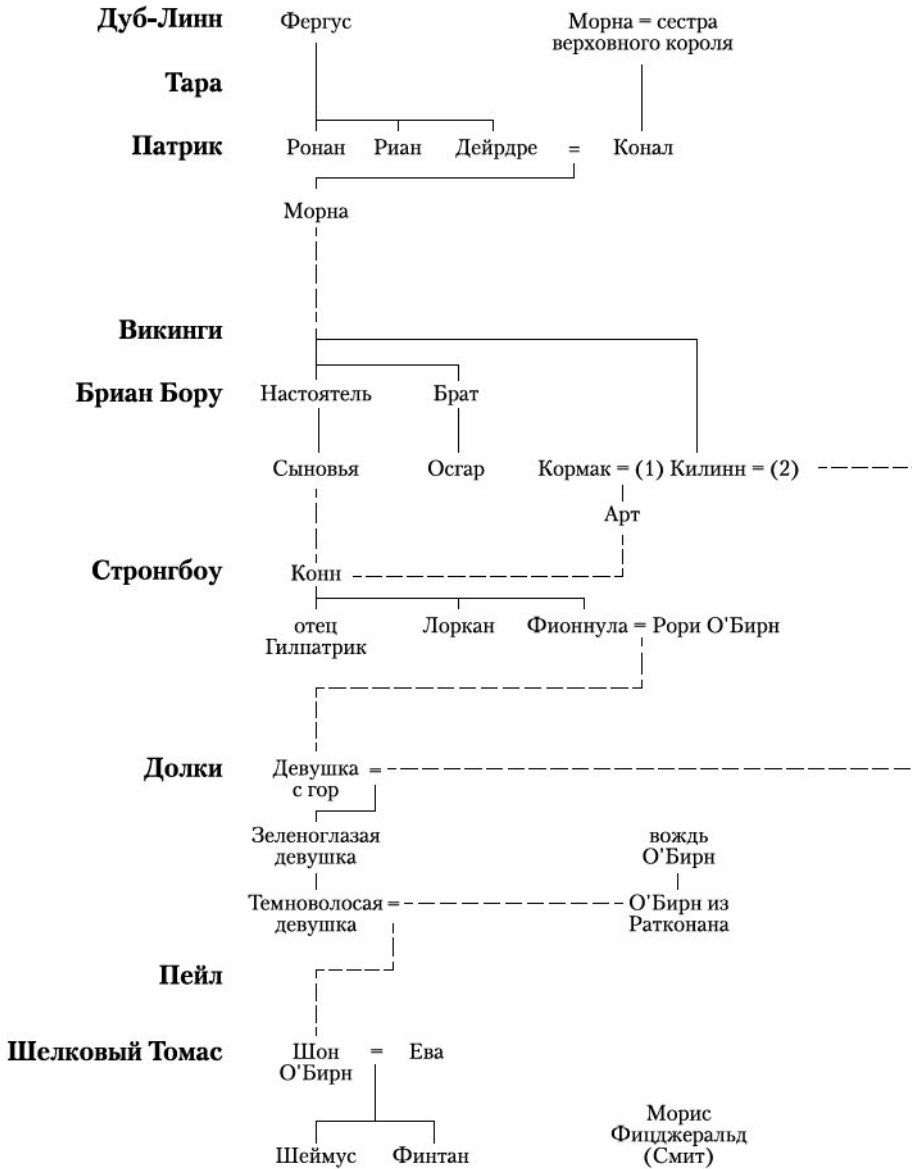
ОКРЕСТНОСТИ ДУБЛИНА

**УИ ФЕРГУСА
и О'БИРНЫ**

СМИТ

МАКГОУЭН ХАРОЛЬД

ДОЙЛ

УОЛШ

ТАЙДИ

Гоибниу

Моран
Макгоибненн
= Фрейя

Олаф

(2) = Харольд = (1) Астрид Сигурд

Кевин
Макгоуэн

Айлред
Палмер

Дойл
из Бристоля

Питер
Фицдэвид

Уна = Харольд

дядя Генри

Майкл
Макгоуэн

Роберт
Харольд

Дойл из
Дублина

Джон
Уолш

Том
Тайди

Джеймс
Макгоуэн

Джоан = Джон
Дойл

Риверс

Джон

Мargarет = Уильям
Уолш

Генри = Сесили
Тайди Бейкер

Мэри = Ричард

ДУБ-ЛИНН

430 209

I

Лугнасад. Середина лета. Близилось время сбора урожая. Стоя возле изгороди, Дейрдре смотрела на оживленные приготовления. День предстоял веселый, но ей он сулил лишь страдания. И все потому, что ее дорогой отец и этот одноглазый человек собирались ее продать. А она никак не могла им помешать.

Конала девушка поначалу даже не заметила.

По обычаю в состязаниях мужчины участвовали обнаженными. Традиция эта пришла из глубокой древности. Еще много веков назад римляне заметили, что кельты презирают нагрудные кирасы и предпочитают сражаться без доспехов. Один только вид грозных воинов с мускулистыми, раскрашенными яркой краской телами, зачесанными наверх гребнями волос и искаженными яростью лицами внушал ужас даже закаленным в боях римским легионерам. Иногда несущиеся в колесницах кельтские воины надевали короткие плащи, и они развевались за их спинами, а в некоторых частях Римской империи кельтские всадники носили укороченные штаны. Но здесь, на западном острове, традиция наготы распространилась на церемониальные скачки, и на молодом Конале не было ничего, кроме небольшой защитной повязки на бедрах.

Великий праздник Лугнасад отмечался в Кармуне, месте довольно мрачном и жутковатом, раз в три года. Среди диких лесов и болот раскинулся пустынный зеленый луг, который тянулся почти до самого горизонта. Чуть вдалеке, на западе, если идти вверх по течению, где Лиффи поворачивала на восток, к своему истоку в горах Уиклоу, земля была равнинной, если не считать нескольких курганов с захоронениями древних вождей.

Праздник продолжался неделю. Гостей угощали вкусной едой, в отдельных выгородках продавали скот и нарядную одежду, но, конечно же, главное место было отведено под широкую дорожку для состязаний, проложенную поверх дерна.

В ожидании пышного зрелища вокруг дорожки собралось множество зрителей. Каждый клан держался отдельно, рядом со своими шатрами или временными хижинами. И мужчины, и женщины были в ярких накидках — алых, синих или зеленых. На шеях мужчин висели великолепные золотые торки, ну а женщины, разумеется, щеголяли самыми разными украшениями. У некоторых мужчин тело и лицо были разрисованы синей краской; кто-то оставил волосы распущенными, кто-то зачесал их наверх, смазав раствором извести и уложив в воинственные острые пики, напоминающие всклокоченную конскую гриву. Повсюду стояли роскошные боевые колесницы. Лошади до начала состязаний оставались в стойлах. На поле горели костры, и медоречивые барды рассказывали возле них свои предания. Только что прибыла группа фокусников и акробатов. Со всех сторон слышались струнный перезвон, свист дудочек и волюнок; запах жареного мяса и медовых пряников наполнял летний воздух, смешиваясь с легким дымом костров. А на церемониальном холме возле скаковой дорожки восседал король Ленстера, главный распорядитель праздника.

С давних времен остров был поделен на четыре самостоятельные провинции. Воинственные жители королевства Улад обитали в северной части. Край чудесных озер и скалистых диких берегов, прозванный землей друидов, расположился на западе. Мума, самое южное королевство острова, прославилось своей музыкой. Там же, как гласит легенда, Сыновья Миля впервые встретились с богиней Эриу. И наконец, на востоке острова, среди сочных пастбищ и плодородных полей, издавна поселились племена лагенов. Так остров делился с незапамятных времен, и до нынешней поры, правда уже с измененными названиями, это деление на Ульстер, Коннахт, Манстер и Ленстер сохранилось.

Впрочем, спокойной жизнь на западном острове не была никогда. За последние поколения в древних племенах произошли большие перемены. Могущественные кланы, обитавшие в северной половине острова — Лет-Куйнн, «половине Конна», как ее называли, пожелали установить свое владычество над его

южной половиной — Лет-Мога. А еще появилось новое, среднее королевство Миде, и с тех пор остров стал делиться уже не на четыре, а на пять частей.

В каждой части самый могущественный из всех вождей кланов объявлялся королем, и иногда наиболее властный из них провозглашал себя верховным королем и требовал, чтобы все остальные признали его господство и платили ему дань.

Взглянув на своего друга, Финбар покачал головой. День был в самом разгаре, и Конал готовился к скачкам.

— Мог бы хоть улыбнуться, — заметил Финбар. — Какой ты все-таки мрачный, Конал.

— Извини, — откликнулся тот. — Я не нарочно.

Как же нелегко приходится знатым людям, подумал Финбар. Боги уделяют им слишком много внимания. Так было всегда в кельтском мире. Вороны кружат над домом, возвещая о смерти вождя клана, лебеди покидают озеро. Неверный поступок короля может повлиять на погоду. А если ты принц, друиды предсказывают твое будущее еще до твоего появления на свет, и никто не в силах изменить твою судьбу.

Стройный темноволосый красавец с орлиным профилем, Конал был идеальным принцем. Принцем по крови. Конал сын Морны. Его отец был непревзойденным воином. Разве его не похоронили стоя, в кургане героя, лицом к врагам его племени? Это была высшая честь, которую только можно было воздать умершему мужчине в кельтском мире.

В роду отца Конала красный цвет считался несчастливым для всех мужчин. Но то была лишь малая толика всех бед, что ждали Конала. Он родился через три месяца после смерти своего отца. Это уже сделало его особенным. Названным отцом стал верховный король, который был братом его матери. А это означало, что с тех самых пор весь остров знал о его существовании. А потом свое слово сказали друиды.

Первый из них показал младенцу веточки разных деревьев, и дитя тут же протянуло крохотную ручку к ветке орешника.

— Он станет поэтом и ученым, — заявил друид.

Предсказание второго звучало более мрачно:

— Из-за него погибнет прекрасный воин.

Но поскольку произойти это могло только в сражении, родные сочли пророчество друида добрым знаком.

Однако третий друид провозгласил то, что должно было преследовать Конала всю жизнь. Три гейса.

Любой принц или великий воин должен был остерегаться предсказанных ему гейсов, или запретов, и соблюдать великую осторожность, чтобы не нарушить их. Самое ужасное заключалось в том, что рано или поздно гейсы всегда настигали свою жертву. Но поскольку, как и многое другое в устах жрецов, они часто напоминали загадки, никто никогда не знал в точности, что они означают, и с легкостью мог угодить в ловушку.

К большой радости Финбара, ему-то никто никаких гейсов не назначил. А вот гейсы Конала, как знали все при дворе верховного короля, звучали так:

Конал не умрет, пока:
не положит свою одежду в землю;
не пересечет море на рассвете, когда солнце будет
светить ему в спину;
не прибудет в Тару сквозь черный туман.

Первый гейс не имел никакого смысла, второго вполне можно было избежать, ну а третий просто казался невероятным. Хотя туманы и не были редкостью во владениях верховного короля в Таре, однако черных там не видели никогда.

Конал был осторожен. Он уважал традиции рода. Финбар никогда не видел, чтобы его друг надел что-нибудь красное. Он даже не притрагивался к вещам таких оттенков.

— Все очень просто, — однажды сказал ему Финбар, — держись подальше от моря, и будешь жить вечно.

Они стали друзьями еще в детстве, с того самого дня, когда отряд охотников, среди которых был и юный Конал, остановился на отдых в скромном поместье семьи Финбара. Мальчики быстро познакомились, тут же затеяли веселую потасовку, а потом, на радость зрителям, стали играть в игру с мячом и палкой, которую островитяне называли хёрлингом. Через несколько дней после той встречи Конал попросил разрешения повидаться со своим новым приятелем еще раз, а через месяц они уже стали неразлучными друзьями. Вскоре по просьбе Конала Финбар был взят ко двору, где начал обучаться воинскому мастерству. Родные мальчика очень обрадовались такой счастливой возможности для него. Их дружбу ничто не омрачало. Конал любил своего друга за его добрую душу и веселый нрав, а Финбара восхищал ум юного принца и его спокойная вдумчивость.

Осторожность Конала ничуть не мешала его привычным занятиям. Хотя он и не мог похвастаться самыми крепкими мускулами, как его ровесники, зато атлетом был едва ли не лучшим. Бегал он быстрее оленя, а в состязаниях на легких двухколесных колесницах догнать его удавалось одному лишь Финбару. Копье Конала летело, как птица, и всегда попадало точно в цель. Щит он мог вращать с такой скоростью, что тот почти терялся из виду. А его любимый сверкающий меч всегда опережал даже более мощные удары соперника. И еще оба юноши были очень музыкальны. Финбар любил петь, а Конал превосходно играл на арфе, и друзья иногда развлекали гостей на королевских пирах. То были счастливые и очень веселые времена, и они часто со смехом вспоминали, как верховный король платил им как нанятым музыкантам. Все воины любили и уважали Конала. А те, кто помнил Морну, его настоящего отца, как один повторяли, что сын унаследовал его твердость и мужество.

Однако, несмотря на все успехи в военной премудрости, казалось, занимало Конала вовсе не это, и его друг Финбар никак не мог понять почему.

Принцу было всего шесть лет, когда он исчез в первый раз. Мать искала его целый день, и только перед заходом солнца он наконец появился с одним старым друидом, который спокойно сказал ей: «Мальчик был со мной».

— Я нашел его в лесу, — невозмутимо пояснил Конал, словно ничего не случилось.

— Но что вы делали целый день? — спросила его мать, после того как друид ушел.

— Мы разговаривали.

— О чем? — изумилась мать.

— Обо всем! — радостно воскликнул мальчик.

Так с тех пор и повелось. Конал мог играть с другими детьми и вдруг исчезал. Иногда он брал с собой Финбара, и они подолгу блуждали по лесу или брели вдоль реки. Конал очень любил, когда Финбар подражал птичьим голосам. А каждую травинку юный принц знал так хорошо, что едва ли на острове нашлось бы растение, которое он не смог бы назвать. И все же даже в такие чудесные дни Финбар порой чувствовал, что при всей любви к нему его друг предпочел бы остаться один. Тогда он находил предлог уйти, а принц мог бродить в одиночестве часами, не замечая, как бежит время.

Он всегда твердил Финбару, что счастлив в такие минуты. Но когда он погружался в раздумья, его лицо омрачала грусть, и в мелодии его арфы тоже звучала странная печаль.

— Вот идет человек, кому кручина важнее друга, — мог ласково поддеть его Финбар, когда он возвращался из своих одиноких прогулок, но принц только смеялся, весело подпихивал Финбара в бок и пускался бежать.

К тому времени, когда Коналу исполнилось семнадцать, уже никто не удивлялся, что другие молодые люди относятся к нему едва ли не с благоговением, как и к любому друиду.

Ученые люди на острове делились на три сословия. К низшему из них принадлежали барды — рассказчики, которых звали на пиры гостям на потеху. Ступенью выше стояли филиды — хранители родословных, стихотворцы, а порой и прорицатели. Однако выше всех остальных в этой иерархии находились, безусловно, грозные и могущественные друиды.

Считалось, что прежде, еще до прихода туда римлян, самые искусные и просвещенные друиды жили на соседнем острове, в Британии. В ту пору они приносили в жертву не только животных, но и мужчин и женщин. Однако те времена давно минули. Теперь друиды жили на западном острове, и никто не мог припомнить, когда последний раз совершалось человеческое жертвоприношение.

Обучение у друидов могло длиться двадцать лет. Часто они не только умели почти всё то же, что барды и филиды, но и как жрецы получали тайные знания о священных заклинаниях и числах, а также учились разговаривать с богами. В день зимнего солнцестояния и в другие большие праздники друиды проводили сакральные обряды и жертвоприношения. Только друиды определяли, в какие дни нужно сеять зерно или забивать скот. Немногие короли осмеливались на какое-нибудь решение, не посоветовавшись с друидами. Острое слово друида могло ранить как бритва, а их проклятие ложилось на семнадцать поколений. Мудрые советчики, всеми признанные судьи, просвещенные учителя и самые грозные враги — всё это о друидах.

Учение друидов всегда было окутано тайной. Некоторые из них, подобно шаманам, могли впасть в транс и переходить в иной мир. Они с легкостью меняли свое обличье, превращаясь в птицу или зверя. И Финбар иногда думал, какой же из этих чудесных способностей обладает его друг Конал.

С той первой встречи со старым друидом принц всегда проводил с ними очень много времени. К двадцати годам он знал уже гораздо больше, чем многие молодые люди, которые готовились стать жрецами. Такой интерес не был чем-то необычным. Немало друидов вышло из знатных семей, а некоторые величайшие воины в прошлом учились вместе с друидами или филидами. Однако страсть Конала к таинственному учению была особенной, и, обладая великолепной памятью, он жадно впитывал все, что могли дать ему седые старцы.

И все же, хотя Конал и утверждал, что счастлив, иногда он казался Финбару очень одиноким.

Несколько лет назад, чтобы скрепить их дружбу, принц подарил ему щенка. Финбар повсюду таскал с собой своего маленького приятеля. Он назвал щенка Кухулином, в честь героя легенд. И только позже Финбар по-настоящему оценил подарок друга, потому что щенок вырос и превратился в великолепного гончего пса, из тех, которых купцы привозили из-за моря, заплатив за них серебряными слитками или римскими монетами. А этот пес, возможно, и вовсе был бесценным. Он никогда не отходил от своего хозяина.

— Если со мной что-нибудь случится, — однажды сказал ему Конал, — твой Кухулин будет напоминать тебе обо мне и о нашей дружбе.

— Ты всегда будешь моим другом, пока я жив, — заверил его Финбар. — А умру я уж точно раньше тебя.

Он не мог сделать принцу такой же дорогой подарок, но очень надеялся, что может хотя бы отплатить ему той же любовью и преданностью, которой радовал его верный пес Кухулин.

Был у Конала и еще один талант. Он умел читать.

В то время письменное слово уже было известно на острове. Британские и галльские купцы, заходившие в здешние гавани, часто умели читать. На римских монетах, которыми они пользовались, были выбиты латинские буквы. Финбар знал нескольких людей среди бардов и друидов, знакомых с грамотой. Много лет назад лучшие ученые мужи острова, используя гласные и согласные из латинского языка, даже создали собственное простое письмо для надписей на камнях и надгробьях. Однако, несмотря на то что время от времени кто-нибудь набредал на странные камни с загадочными огамическими знаками, больше напоминавшими зарубки на линейке, ранняя кельтская письменность так и не получила широкого распространения. Для

записи священного наследия острова, как слышал Финбар, она тоже не использовалась.

— Причины очень просты, — объяснял ему Конал. — Во-первых, все знания друидов тайные. Ты же не хочешь, чтобы о них прочитал кто-нибудь недостойный? Это может разгневать богов.

— И жрецы потеряют свою тайную силу, — заметил Финбар.

— Пожалуй. Но есть и другая причина. Все просвещенные люди на нашем острове обладают очень хорошей памятью, потому что постоянно развивают ее. Если мы начнем записывать наши знания, нам не придется ничего запоминать и наша память ослабеет.

— Тогда зачем ты учился читать? — спросил Финбар.

— Из любопытства, — ответил Конал таким тоном, словно в этом не было ничего особенного. — Кроме того, — добавил он с улыбкой, — я ведь не друид.

Не раз потом Финбар вспоминал эти слова. Конечно, его друг не был друидом. Он собирался стать воином. И все же... Иногда, когда Конал пел, закрыв глаза, или когда возвращался после своих одиноких прогулок с таким печальным, отстраненным лицом, будто побывал в каком-то таинственном сне, Финбар поневоле спрашивал себя, а не забрел ли принц... Но куда? Быть может, к границе между мирами?

Вот почему он не слишком удивился, когда в конце весны Конал признался ему:

— Я хочу сделать тонзуру друида.

Друиды особым образом выбривали волосы в передней части головы — от уха до уха. В результате лоб получался высоким и круглым, если, конечно, друид уже не начинал лысеть, в этом случае тонзура становилась почти не видна. У Конала волосы были густые и темные, и, разумеется, выбритая полоса стала бы очень заметна.

Конечно, друиды королевской крови бывали и раньше. К тому же многие на острове превозносили касту друидов выше королей. Финбар задумчиво посмотрел на друга.

— А что скажет верховный король? — наконец спросил он.

— Никто не знает. Жаль, что моя мать была его сестрой.

Финбар хорошо помнил мать Конала, помнил ее верность памяти мужа и ее желание видеть сына воином, достойным своего отца. Два года назад, перед смертью, она умоляла верховно-

го короля, своего брата, не допустить, чтобы род ее мужа превратился.

— Друидам ведь не запрещено жениться, — напомнил Финбар. Друиды действительно часто передавали свой титул по наследству. — Возможно, твои дети станут воинами.

— Ты прав, — согласился Конал, — но верховный король может думать иначе.

— А если друиды сами захотят, чтобы ты стал одним из них, он сможет тебе запретить?

— Мне кажется, — сказал Конал, — они не станут предлагать, если узнают, что верховный король этого не хочет.

— И что ты будешь делать?

— Ждать. Надеюсь, мне удастся их убедить.

Через месяц верховный король вызвал к себе Финбара.

— Финбар, — заговорил он, когда юноша пришел, — я знаю, что ты близкий друг моего племянника Конала. Тебе известно о его желании стать друидом? — (Финбар кивнул.) — Будет лучше, если он передумает, — добавил верховный король.

На этом разговор закончился. Верховный король ясно выразил свою волю.

Ехать ей не хотелось. По двум причинам. Первая, как она сама признавала, крылась в ней самой. Дейрдре очень не любила покидать дом.

Она обожала свой родной край, хотя он и был не слишком приспособлен для жизни. В середине восточного побережья острова река, что брала свое начало в диких горах Уиклоу, устремлялась на юг и в конце концов, после долгих извилистых поворотов, втекала в широкий залив между двумя мысами, глядя на которые Дейрдре всегда думала, что это сама богиня земли Эриу, мать острова, протягивает вперед руки, чтобы обнять море. Вблизи устья начиналась чудесная долина, названная Долиной Лиффи. Река эта обладала довольно капризным нравом и иногда проявляла его самым неожиданным образом. Когда она гневалась, ее взбухшие воды неслись с гор бешеными потоками, снося все на своем пути. К счастью, такие приступы ярости случались редко. Все остальное время течение ее было спокойным, а мирный шепот волн звучал нежно и мелодично. Безмятежную тишину устья реки с его низкими илистыми берегами, поросшими высокой травой, лесистыми болотами и широкими приливами нарушали лишь далекие крики чаек, гуде-

ние кроншнепов да вскрики цапель, пролетавших над усыпанной ракушечником полосой прибоа.

Места эти были почти пустынными, лишь кое-где виднелись разбросанные крестьянские дворы, принадлежавшие одному клану, во главе которого стоял ее отец. И все же, несмотря на свою уединенность, здешняя земля имела целых два названия, и получила она их благодаря двум самобытным особенностям. Первой, созданной руками человека, была деревянная переправа, проложенная в той части реки, где она впадала в свое болотистое, почти в милю шириной устье. Настил пролегал по мелководью и оканчивался на северном берегу. И называли его Аха-Клиах, что на гэльском языке означало «место у брода».

Вторую особенность сотворила сама природа. Дейдрре как раз смотрела вниз с восточного края невысокого горного хребта, который тянулся вдоль южного берега, возвышаясь над переправой. С юга к реке устремлялся небольшой ручей, но, прежде чем влиться в нее, он наталкивался на подножие холма и, чуть изгибаясь, создавал в этом месте глубокую темную заводь. Так его и стали называть: Черная заводь. Дуб-Линн.

Хотя земля эта и получила два имени, людей здесь почти не было. Издревле селения создавались на склонах Уиклоу. Вдоль южного и северного берегов устья реки возникали крохотные рыбацкие деревушки и даже небольшие пристани. Только у прибрежных болот никто жить не хотел, и все же сама Дейдрре любила тихую красоту здешних мест.

Оставаясь необходимым, Дуб-Линн граничил с другими, более многолюдными территориями, лежащими к северу, югу и западу от устья Лиффи. Могущественные вожди тех земель, которые по очереди претендовали на единовластие, интереса к нему не проявляли, поэтому никто не мешал Фергусу, отцу Дейдрре, оставаться единственным хозяином этого края.

И все-таки, при всей заброшенности, земля Фергуса играла свою роль в жизни острова, потому что находилась на одном из главных перекрестков дорог. Древние дороги, или шлиге, как их называли, часто проходя через густые леса, шли с севера и юга острова и пересекались возле брода. Старая Шлиге Мор, или Великая дорога, вела на запад. И, будучи хранителем этого перекрестка, Фергус, следуя законам гостеприимства, всегда приглашал путников в свой дом.

Когда-то здесь было более оживленно. За долгие века море по ту сторону залива стало больше похоже на крупное озеро

между двумя островами, на которых обитало много племен ее народа. Из поколения в поколение они перебирались с одного острова на другой, торговали, строили дома, создавали семьи. Когда могучая Римская империя захватила восточный остров — Британию, как ее называли, римские купцы отправились на западный остров и основали вдоль побережья небольшие фактории. Были такие поселения и на берегах залива. Дейдрре рассказывали о том, что однажды здесь даже высадились римские отряды и возвели обнесенный стеной военный лагерь, откуда вымуштрованные легионеры в блестящих латах угрожали захватить весь остров. Но им это не удалось. Когда они ушли, на изумрудном острове снова воцарился мир. Дейдрре всегда слушала эти рассказы с гордостью за свою родную Эрин и за ее народ, который чтит древние традиции и никогда никому не покорялся.

После вторжения варваров могущественная Римская империя переживала не лучшие времена. Даже великий Рим не устоял. Легионы покинули Британию, и римские фактории опустели.

Самые предприимчивые из вождей западного острова неплохо нажились в эту тревожную пору. Начались набеги на Британию, ставшую теперь беззащитной. Золото, серебро, рабы и прочие товары перевозились на западный остров, умножая богатство блестящих родов Эрин. Правда, начинались все эти походы из дальних гаваней. И хотя время от времени купцы до сих пор заходили в устье Лиффи, жизнь здесь почти замерла.

Поместье Фергуса сына Фергуса стояло на небольшом возвышении над заводью и представляло собой несколько построек, окруженных со всех сторон земляным валом с возведенной на нем изгородью. Подобные крепости, если, конечно, можно так назвать эти не слишком высокие сооружения, в последнее время во множестве стали появляться на острове. На кельтском языке они назывались ратами. В сущности, рат Фергуса был обычным крестьянским двором, какие встречались в других, более плодородных частях острова, только побольше. Здесь был небольшой свинарник, просторный загон для коров, амбар, большой красивый дом и еще один дом, поменьше. Почти все строения имели круглую форму и были сделаны из плетеной лозы, обмазанной глиной. Места хватало всем: Фергусу с его домочадцами, скотнику с семьей, пастуху, еще двум семействам,

трем британским рабам и барду — у каждого вождя непременно был собственный бард, и они всегда жили в семье из поколения в поколение. Конечно, все эти люди редко находились там одновременно, и объединял их, по традиции, лишь общий ночлег. Вот таким и был рат Фергуса сына Фергуса, стоявший на невысоком холме над бродом. Внизу маленькая водяная мельница и крохотная пристань у реки довершали общую картину.

Вторая причина, по которой Дейрдре не хотелось ехать, была связана с ее отцом. Она всерьез опасалась за его жизнь.

Древнее общество западного острова имело очень строгую иерархию и делилось на множество классов. Каждый класс, от короля или друида до раба, жил по своим законам, и за смерть или увечья всегда полагалось заплатить кровавую цену. Каждый человек знал свое положение в обществе и то положение, что занимали его предки. А Фергус был вождем.

Обитатели соседних усадеб, которых он считал своим кланом, уважали его как человека добродушного, хотя и вспыльчивого порой нрава. При первом знакомстве этот высокий человек мог показаться молчаливым и даже замкнутым, но лишь ненадолго. Завидев кого-нибудь из знакомых, он тут же пускался с ним в долгую пространную беседу. Но больше всего хранитель далекой Плетеной переправы обожал встречаться с новыми людьми, потому что был чрезвычайно любопытен. Любого путника, забредшего к Аха-Клиах, всегда щедро кормили и развлекали, но о своих делах он мог забыть до тех пор, пока Фергус не утолит свою неумную жажду выпросить у него все мало-мальски занимательные подробности его жизни, а после не вознаграждает его своими нескончаемыми историями, коих он всегда имел в избытке.

Если гость вызывал у Фергуса особую симпатию, вождь предлагал ему вина, а потом отходил к столу, на котором хранились его самые драгоценные реликвии, и возвращался, бережно держа в ладонях какой-то странный предмет цвета слоновой кости. Это был тщательно отполированный человеческий череп. Верхняя его часть была аккуратно отпилена, а края по всему ободку украшены золотом. Гладкий и довольно легкий, череп казался хрупким, почти как яичная скорлупа. Пустые глазницы безучастно взирали перед собой, словно напоминая о том, что все человеческие существа, как и прежний обладатель этого черепа, должны уйти в иной мир. А зияющий в безумной

усмешке рот как будто смеялся над самой смертью, ведь каждый знал, что у любого семейного очага мертвецы всегда были рядом с живыми.

— Это голова Эрка Воина, — с гордостью сообщал Фергус гостю. — Его убил мой дед.

Дейдрре была совсем маленькой, но навсегда запомнила день, когда появились те воины. После очередной клановой междоусобицы на юге они направлялись на север. Их было трое, и они показались девочке настоящими великанами. У двоих были длинные усы, у третьего посередине бритой головы торчал острый гребень из волос. Как ей объяснили, эти ужасные люди были воинами. Отец Дейдрре тепло поздоровался с ними и пригласил в дом. На спине одной из лошадей девочка увидела кожаную веревку и три привязанные к ней человеческие головы с запекшейся черной кровью и широко раскрытыми слепыми глазами. Как зачарованная, Дейдрре в ужасе смотрела на них, не в силах отвести взгляд. Когда она наконец вбежала в дом, то увидела, что отец держит в руке череп с питьем, приветствуя воинов.

Вскоре она узнала, что этот пожелтевший от времени череп достоин самого высокого почитания. Так же как меч и щит ее деда, он был символом гордости их древнего рода. Ее предки были великими воинами и стояли вровень с принцами и героями, а может, и с самими богами. Ведь и боги в своих сияющих чертогах пьют из таких же кубков. Так думала Дейдрре. А как же еще могут пить боги, если не как герои? И пусть ее род владел лишь этой скромной землей, с такими семейными сокровищами, как меч, щит и золоченый череп, она могла высоко держать голову.

В детстве Дейдрре несколько раз приходилось наблюдать вспышки гнева у своего отца. Обычно это случалось, если кто-нибудь пытался сплутовать или не выказывал ему должного почтения. Правда, иногда, как она поняла, уже став постарше, ярость отца могла последовать за вполне обдуманном и точным расчетом, в особенности когда он договаривался о покупке или продаже скота. Саму Дейдрре нисколько не смущало, что ее отец время от времени метал громы и молнии и ревел как бык. Мужчина, который никогда не выходит из себя, не способен бороться, а значит, он вовсе не мужчина. Жизнь без таких неожиданных взрывов стала бы более тусклой и утратила свою естественную выразительность.

Но в последние три года, после смерти ее матери, что-то изменилось. У отца начал угасать интерес к жизни, он уже не занимался делами с прежним рвением, его гнев проявлялся все чаще, и причины таких размолвок не всегда были понятны. В прошлом году он едва не сцепился с молодым вельможей, который имел неосторожность возразить ему в его собственном доме. А еще он стал неумерен в возлиянии. Раньше, даже в большие праздники, ее отец выпивал немного. Однако в последние месяцы она не раз замечала, что он вместе со своим старым бардом за ужином пьет больше обычного. После таких пирушек отец впадал в мрачное уныние, которое могло внезапно смениться всплеском ярости, за что он, конечно, просил прощения на следующий день, но обида от этого не становилась менее болезненной. После смерти матери главное женское место в доме заняла Дейрдре, чем она очень гордилась, втайне переживая, как бы отец не привел новую хозяйку, но теперь она все чаще думала о том, что его женитьба могла бы изменить их жизнь к лучшему. А потом, размышляла она, я и сама выйду замуж, потому что двум женщинам в доме не ужиться. Во всяком случае, ее такое будущее совсем не устраивало.

Но что, если отец так сокрушался совсем по иной причине? Он никогда не делился с ней своими тревогами, потому что был слишком горд, но порой ей казалось, что они живут не по средствам. Она не знала, почему так получалось. Торговля скотом считалась самым прибыльным занятием на острове, а стада у Фергуса были внушительные. Не так давно она узнала, что отец заложил свою самую большую фамильную ценность. Золотой торквес был его амулетом и отличительным знаком его высокого положения; отец всегда носил его на шее. Дочери он тогда объяснил все без затей.

— За те деньги, что мне предложили, я получу столько скота, что с легкостью выкуплю его через пару лет. А пока вполне обойдусь и без него, — ворчливо сказал он.

Конечно, в Ленстере мало нашлось бы таких же умелых скотоводов, как ее отец, и все-таки сомнения не оставляли ее. За прошлый год Дейрдре несколько раз слышала, как отец что-то тихо говорил о долгах, и с тех пор постоянно думала о том, какие еще тайны он скрывает от нее. Но три месяца назад произошло событие, напугавшее ее по-настоящему. К ним в рат явился незнакомый человек и на глазах у всех грубо заявил, что Фергус должен ему десять коров и что лучше бы ему рассчитать-